

Кудряшов И. В. «Милому дьячку Коле...»: о новонайденном инскрипте С. А. Есенина / И. В. Кудряшов, С. Н. Пяткин // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 255—272. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-255-272.

Kudryashov, I. V., Pyatkin, S. N. (2022). "To Dear Deacon Kolya ...": Newly Found Inscript of Sergey Yesenin. *Nauchnyi dialog*, 11(8): 255-272. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-255-272. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-255-272

«Милому дьячку Коле...»: о новонайденном инскрипте С. А. Есенина

Кудряшов Игорь Васильевич
orcid.org/0000-0001-7022-3830
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка
и литературы
kiv.arz@yandex.ru

Пяткин Сергей Николаевич
orcid.org/0000-0002-8659-7543
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка
и литературы
pyatkinsn@arz.unn.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Арзамасский филиал)
(Арзамас, Россия)

“To Dear Deacon Kolya ...”: Newly Found Inscript of Sergey Yesenin

Igor V. Kudryashov
orcid.org/0000-0001-7022-3830
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Russian Language
and Literature
kiv.arz@yandex.ru

Sergey N. Pyatkin
orcid.org/0000-0002-8659-7543
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Russian Language
and Literature
pyatkinsn@arz.unn.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Arzamas Branch)
(Arzamas, Russia)

© Кудряшов И. В., Пяткин С. Н., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены результаты историко-культурного комментария ранее неизвестного инскрипта С. А. Есенина, сделанного им в 1921 году на листке бумаги, который впоследствии был вклеен в книгу «Триптих» (Берлин: Издательство «Скифы», 1920). Научное изучение дарственных надписей писателей как отдельное направление в отечественном литературоведении в настоящее время находится на стадии своего становления, чем и обусловлена актуальность предлагаемого исследования. Доказывается, что адресатом дарственной надписи Есенина является его старший друг и наставник в поэзии Николай Алексеевич Клюев (1884—1937) и сделана она была рукой поэта в декабре 1921 года одновременно с кратким письмом, также адресованным Клюеву после двухлетнего перерыва в их творческом общении. Указывается, что прозвищная номинация Клюева «дьячок Коля» в есенинском инскрипте не имеет отрицательных коннотаций и служит шутивным, незлобивым определением наставнической роли Клюева в поэтической судьбе Есенина. Анализ структурно-семантических связей есенинских текстов дарственной надписи и письма позволяет установить, что инскрипт содержит имплицитный личностный посыл к возобновлению прежних дружеских отношений между поэтами, отдалившимися друг от друга из-за творческих разногласий. На основании ответного послания Клюева из Вытегры (28 января 1922 года) установлено, что Есенин в конце декабря 1921 года вместе с письмом передал ему свои новые книги (в числе которых мог быть и «Триптих», содержащий поэмы 1917 года) через Николая Ильича Архипова (1887—1967) (вытегорского знакомого Клюева), приезжавшего в Москву как делегат IX Всероссийского съезда Советов (23—28 декабря 1921 года). Выдвигается и обосновывается предположение, что Есенин, не имея возможности сделать дарственную надпись Клюеву на книге, отправил с Архиповым листок с автографом для его последующей вклейки в книгу. Авторы статьи не исключают, что вклейка есенинского инскрипта на титульную страницу берлинского издания может иметь более поздний характер. Однако даже при этом она обладает несомненным символическим смыслом, апеллирующим к скифской философии, что объединяла поэтов в 1915—1917 годах, являясь одним из знаков их духовного родства, чувство которого Есенин пронесет через всю свою творческую жизнь.

Ключевые слова:

Сергей Есенин; Триптих; инскрипт; комментарий; автограф; дарственная надпись; Николай Клюев; новокрестьянская поэзия; интерпретация; Скифы; Николай Архипов.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The results of a historical and cultural commentary on a previously unknown inscription by S. A. Yesenin, made by him in 1921 on a piece of paper, which was subsequently pasted into the book “Triptych” (Berlin: Publishing House “Scythians”, 1920), are presented. The scientific study of writers' dedicatory inscriptions as a separate area in domestic literary criticism is currently at the stage of its formation, which determines the relevance of the proposed study. It is proved that the addressee of Yesenin's dedication inscription is his elder friend and mentor in poetry Nikolai Alekseevich Klyuev (1884—1937) and it was made by the poet in December 1921 simultaneously with a short letter also addressed to Klyuev after a two-year break in their creative communication. It is pointed out that Klyuev's nickname “deacon Kolya” in Yesenin's script does not have negative connotations and serves as a playful, gentle definition of Klyuev's mentoring role in Yesenin's poetic fate. An analysis of the structural and semantic connections of Yesenin's texts of the dedicatory inscription and letter makes it possible to establish that the inscription contains an implicit personal message for the renewal of former friendly relations between poets who have drifted away from each other due to creative differences. On the basis of Klyuev's reply message from Vytegra (January 28, 1922), it was established that Yesenin, at the end of December 1921, along with a letter, gave him his new books (including the “Triptych” containing poems of 1917) through Nikolai Ilyich Arkhipov (1887—1967) (a Vytegor's acquaintance of Klyuev), who came to Moscow as a delegate to the IX All-Russian Congress of Soviets (December 23—28, 1921). It is put forward and substantiated that Yesenin, not being able to make a dedication to Klyuev on the book, sent an autographed sheet with Arkhipov for its subsequent pasting into the book. The authors of the article do not rule out that the pasting of Yesenin's inscription on the title page of the Berlin edition may have a later character. However, even so, it has an undoubted symbolic meaning, appealing to the Scythian philosophy, which united the poets in 1915—1917, being one of the signs of their spiritual kinship, the feeling of which Yesenin will carry through his entire creative life.

Key words:

Sergey Yesenin; Triptych; inscript; comment; autograph; gift inscription; Nikolay Klyuev; new peasant poetry; interpretation; Scythians; Nikolai Arkhipov.

«Милому дьячку Коле...»: о новонайденном инскрипте С. А. Есенина

© Кудряшов И. В., Пяткин С. Н., 2022

1. Введение = Introduction

22 февраля 2017 года в Москве на торгах в аукционном доме «В Никитском» был выставлен лот под номером 307 — книга С. А. Есенина «Триптих» (Берлин: Издательство «Скифы», 1920) с собственноручной дарственной надписью поэта: «Милому дьячку Коле / с веселой дружбой / С. Есенин / 1921» (рис. 1, 2). Примечательно, что ранее неизвестный автограф поэта был выполнен на полоске писчей бумаги и вклеен на добавочный титульный лист книги, содержащий основные выходные сведения об издании на немецком языке. В описании лота указывалось, что «возможно, автограф адресован Николаю Клюеву (1884—1937) — русскому поэту, представителю так называемого новокрестьянского направления в русской поэзии XX века. С Клюевым Сергея Есенина в течение творческого пути связывали то дружеские, то напряженные отношения, в стихотворении “На Кавказе” он иронизирует на тему религии в поэзии Клюева: “И Клюев, ладожский дьячок, / Его стихи как телогрейка, / Но я их вслух вчера прочел — / И в клетке сдохла канарейка”» [Лот № 307]. Проведённая экспертами аукционного дома предпродажная оценка стоимости немецкого издания С. А. Есенина составила 500—550 тысяч рублей. На торгах лот был продан частному лицу за 550 тысяч рублей.

Выдвинутое экспертами аукционного дома «В Никитском» предположение об адресате есенинского инскрипта требует весомой научной аргументации, поскольку сама по себе данная гипотеза закономерно порождает целый ряд актуальных вопросов. Так, факты свидетельствуют, что Есенин и Клюев в 1921 году не встречались, а потому неясно, при каких обстоятельствах могла появиться эта дарственная надпись автора на книге, которая вышла в Берлине в период 27 октября — 20 ноября 1920 года и в России не продавалась [Летопись..., 2005а, с. 425], и почему она была сделана Есениным на вклейке, а не на самой книге. Доподлинно известно, что все отношения и связи между поэтами с 1919 года были оборваны, а инициатором разрыва, имеющего сугубо творческие причины, выступил Есенин (см.: [Субботин, 1994, с. 117—119]). Не предполагает ли это обстоятельство наличие в есенинском послании «дьячку Коле» открытого (публичного) и сокровенного (понятого только адресату) смыслов? Насколь-

Рис. 1. Издательская шрифтовая обложка книги С. А. Есенина «Триптих»

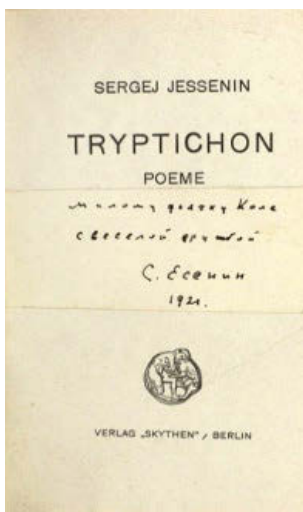

Рис. 2. Вклейка с есенинским инскриптом на добавочном титульном листе книги «Триптих» [Лот № 307]

ко состоятельно соотнесение прозвища «дьячок» в дарственной надписи с поэтическим образом «Клюев, ладожский дьячок», который появится у Есенина только в 1924 году? Вот далеко не полный перечень вопросов, вполне обоснованно возникающих при ознакомлении с текстом новонай-

денного инскрипта, поиск ответов на которые и составляет целеполагание и, соответственно, основное содержание настоящей статьи.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Современный литературовед А. И. Рейтблат в статье «К социологии инскрипта», опубликованной в 2011 году (републикация в авторском сборнике статей «Писать поперек» (2014)), критически обобщая опыт научного изучения авторской дарственной надписи на книге, указывал на отсутствие «специальных работ об этом литературно-бытовом жанре <...> на русском языке», характеризующих его поэтику, этикет и социокультурные функции [Рейтблат, 2014, с. 157]. В своём исследовании авторитетный социолог литературы концептуализирует этикетную специфику жанра инскрипта, непосредственно связанную с актом дарения книги в писательской среде и фиксирующую разностатусное «соотношение в литературной иерархии» между дарителем и одариваемым [Там же, с. 164].

Направления научного поиска, предложенные А. И. Рейтблатом, в последнее десятилетие были поддержаны и в рамках различных методологических подходов, содержательно оформились в целом ряде публикаций российских авторов, что во многом, думается, снизило остроту замечания учёного. Стоит отметить, что в новейших трудах, обращённых к проблеме инскрипта, отчётливо даёт о себе знать тенденция лингвостилистического анализа дарственной надписи на книге в системе речевой деятельности инскриптора [Косых, 2013; Евсеева, 2017]. И здесь весьма перспективными видятся исследования, посвящённые ономастической лексике дарственных надписей [Косых, 2017], а также детализации классификационных признаков инскриптов, учитывающих их «специфические особенности в текстовом и жанровом отношении» [Косых, 2022]. Не менее ценны работы, в которых внимание специалистов сосредоточено на потенциальных возможностях автографов вносить принципиальные уточнения в не самые очевидные лично-публичные отношения между адресатом и адресантом дарственной надписи, когда характер этих отношений не всегда может быть однозначно эксплицирован посредством традиционных биографических источников (писем, воспоминаний современников и т. п.) [Зубков, 2013; Молчанова, 2014; Быков, 2021].

Особое место в сфере исследовательского интереса к автографам писателей принадлежит публикациям, заключающим в себе опыт комплексного изучения дарственных надписей отдельных авторов, где делаются попытки системного анализа композиционного строения инскриптов, их языкового выражения, риторического образа инскриптора и структуры социальных связей в литературном сообществе [Марьин, 2011; Янушкевич, 2011; Никиенко, 2018].

«Специальных работ» о есенинских дарственных надписях — в том строгом научном смысле, которое вкладывал в это понятие А. И. Рейтблат, — практически нет. Продолжая концептуальное определение учёного, можно констатировать, что существующие исследования об автографах поэта ([Ломан и др., 1970; Юсов, 1996] и др.) преимущественно представляют собой развёрнутые «предисловия к публикациям инскриптов, <...> не отличающиеся аналитикой» [Рейтблат, 2011, с. 157]. Однако невозможно переоценить поисковый труд этих исследователей, который стал содержательной основой тематических разделов в Академическом издании С. А. Есенина (1995—2002). В первой книге седьмого тома (раздел «Дарственные надписи») собраны, систематизированы и прокомментированы 272 инскрипта поэта. «Частично сохранившиеся дарственные надписи, перечень несохранившихся инскриптов и список лиц, которым предположительно были сделаны есенинские надписи» [Есенин, 1999б, с. 418], размещены во второй (раздел «Рукою Есенина») и третьей (раздел «Утраченные и найденные») книгах седьмого тома.

Состоявшееся научное издание инскриптов Есенина, безусловно, станет для будущих исследователей репрезентативным источником, способствующим появлению глубоких «специальных работ», посвящённых этому жанру нехудожественного творчества поэта. Обращаясь к неучтённому в собрании сочинений Есенина инскрипту и выстраивая доказательную базу своей статьи, мы широко используем материалы названного издания и опираемся на методологические подходы (прежде всего биографический, социологический, герменевтический), сложившиеся в современной практике изучения дарственных надписей писателей.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Милому дьячку Коле...»: Адресат дарственной надписи-напоминания

Ключевым признаком в идентификации личности Николая Алексеевича Клюева как фигуры одариваемого в есенинском инскрипте служит сочетание прозвища (*дьячок*) адресата, незлобивый характер которого акцентирован оценочным определением «милый», и производной уменьшительной формы официального имени (*Коля*). В отношении этой формы следует отметить, что она как обращение документально зафиксирована в двух есенинских дарственных надписях на фотографиях, подаренных Клюеву в 1916 году. Оба инскрипта были сделаны в то время, когда поэтов связывали близкие дружеские отношения, которыми молодой Есенин явно дорожил, о чём зримо свидетельствует эмоционально-образное содержание автографов: «*Дорогой мой Коля! На долгие годы / унесу любовь твою.*

Я знаю, / что этот лик заставит / меня плакать (как плачут / на цветы) через много лет. / Но это тоска будет не / о минувшей юности, а / по любви твоей, которая / будет мне как старый друг. / Твой Сережа 1916 г. 30 марта / Пт.» (На фотографии 1916 г.) [Есенин, 1999б, с. 42] и *«Дорогому Коле на память / многаю за дни наши / светлые / Сергей Есенин / лето 1916 / 28 декабрь»* (На обороте фотопортрета конца 1913 — начала 1914 года) [Там же, с. 46]. По всей видимости, и в повседневной бытовой жизни Есенин обращался к Клюеву не иначе, как *«Коля»*, что в полной мере соответствовало личным дружеским взаимоотношениям двух поэтов и гармонично дополняло публичный (сценический) образ певцов-сказителей из народа, который они успешно создали в предреволюционные годы.

Отметим, что в позднем есенинском инскрипте, обращённом к Клюеву и ориентировочно датированном 1922 годом, написание имени старшего друга и «спесенника» имеет строгий, официальный вид, что нарочито подчеркнуто отсутствием в нём слов *милый, дорогой*, частотных для инскриптов поэта, и отчётливо коррелирует с содержанием самой дарственной надписи: *«Николаю Клюеву / с грустью за его / последние стихи / С. Есенин»* [Там же, с. 213]. По мнению комментаторов этого автографа, суждения которых нам представляются не вполне убедительными, «в надписи, возможно, упрёк Н. Клюеву за его резкие стихи против Есенина в книге “Четвертый Рим”» [Там же, с. 474]. В данном случае есенинская «грусть» во многом совсем иного — сугубо творческого — рода, о чём поэт с резкой прямоотой высказывается в письме к Иванову-Разумнику от 6 марта 1922 года:

«“Рим” его [Клюева], несмотря на то, что Вы так тепло о нём отзывались, на меня отчаянное впечатление произвел. Безвкусно и безграмотно до последней степени со стороны формы. “Молитв молоко” и “сыр влюбленности” — да ведь это же его любимые Мариенгоф и Шершеневич со своими “бутербродами любви”».

Интересно только одно фигуральное сопоставление, но увы — как это по-клюевски старó!...» [Есенин, 1999а, с. 131].

Тем не менее всё это полностью не отменяет личной обиды Есенина на публично адресованные ему стихотворные эскапады, эксплуатирующие тему «цилиндра» и «лаковых башмаков» в «Четвертом Риме», что, возможно, и обусловило, по сути, деловой тон обращения к Клюеву в есенинском инскрипте, ставшем своеобразным критическим откликом на его книгу.

Таким образом, приведённые выше дарственные надписи являются вполне самодостаточными артефактами, весомо дополняющими наше представление о противоречивом характере взаимоотношений Есенина и Клюева, который в существующих научных исследованиях преимущественно изучался на материале произведений и писем поэтов, а также от-

звон современников (см.: [Субботин, 1994; Киселева, 1997; Азадовский, 2002, с. 119—188; Скороходов, 2014, с. 297—305] и др.). Главное, что здесь необходимо выделить, фокусируя внимание на инскриптах Есенина, — младший поэт всегда искренен перед своим учителем: и в признании дружеского чувства к нему, когда, казалось, эта дружба сошла на нет, и в твёрдом неприятии его новой книги, в которой Клюев вряд ли видел своей целью уязвить творческое самолюбие Есенина.

Используя в обращении к адресату интересующей нас дарственной надписи прозвище *дьячок* и выделяя в ней ключевой смысл послания (*с веселой дружбой*), Есенин, как мы полагаем, апеллирует своим инскриптом к тому прошлому, когда это прозвище было знаком интимно-доверительных отношений между поэтами и, следовательно, воспринималось Клюевым как колкая, но не обидная шутка. Расположение младшего «сопесенника» к шуткам такого рода, как и незлобивая реакция на них Клюева, в период тесного — и дружеского, и творческого — общения поэтов, неоднократно отмечались их современниками. Исполнительница русских народных песен Н. В. Плевицкая (1884—1941), вспоминая о первом появлении в её доме Есенина, писала:

«Я пригласила его к себе, и Н. Клюев бывал у меня.

Он нуждался и жил вместе с Сергеем Есениным, о котором всегда говорил с большой нежностью, называя его “златокудрым юношей”. Талант Есенина он почитал высоко. Однажды он привел ко мне “златокудрого”. Оба поэта были в поддёрвках. Есенин обличьем был настоящий деревенский щеголь, и в его стихах, которые он читал, чувствовалось подражание Клюеву.

Сначала Есенин стеснялся, как девушка, а *потом осмелел и за обедом стал трунить над Клюевым* (выделено нами. — И. К. С. П.). Тот ёжился и, втягивая голову в плечи, опускал Глаза и разглядывал пальцы, на которых вместо ногтей были поперечные, синеватые полоски.

— Ах, Серёженька, еретик, — говорил он тишайшим голосом» [Николай Клюев. Воспоминания..., 2010, с. 147].

Прозвище является коннотирующим именем, «семантическую основу» которого «составляет указание на существительное, характерное качество называемого лица» [Сергеева, 1976, с. 147]. В связи с этим кажется очевидным, что возникновение прозвищной номинации *дьячок* по отношению к Клюеву связано с тем общим впечатлением необычной религиозности, которое вызывали у современников «маскарадный» образ олонецкого поэта и его манера держаться на людях. В мемуарной литературе о Клюеве нередко содержатся попытки авторов найти точное образное определение поэту, аутентичное такому впечатлению. В основном эти определения, как и слово *дьячок*, соотносятся с профессиональной сферой

служителей религиозного культа. Приведём лишь некоторые примеры из воспоминаний современников о Клюеве.

Н. В. Крандиевская-Толстая: «Поэты пили чай. Клюев, в поддевке, с волосами, разделенными на пробор, с женскими плечами, благостный и сдобный, *похож был на церковного старосту*. Принимая от меня чашку с чаем, он помянул про великий пост. Отпихнул ветчину и масло. Чай пил “*по-поповски*”, накрошив в него яблоко. Напившись, перевернул чашку, *перекрестился* на этюд Сарьяна и принялся читать нараспев вполне доброкачественные стихи» (выделено нами. — *И. К, С. П.*) [С. А. Есенин в воспоминаниях..., 1986, с. 12].

Н. М. Гарина: «Наружно Клюев производил впечатление человека тихого... Скромного. Смиренного и бесхитростного — человека, редко опускавшегося на “грешную” землю.

Человека “не от мира сего”. *Святого. Блаженного*. Какого-то “*братца*”... Или вообще “*родственничка*” какой-нибудь *секточки*...» (выделено нами. — *И. К, С. П.*) [Николай Клюев. Воспоминания..., 2010, с. 76].

Е. А. Есенина: «... Клюев приехал к Сергею [Есенину] в гости. Это был толстобрюхий дядя, *похожий на попа-расстригу*. На нём была ситцевая, синяя в цветочках рубаша с заплатой во весь живот. На мясистом лице небольшие бойкие глаза, пухлые изнеженные руки и мягкий певучий голосок» (выделено нами. — *И. К, С. П.*) [Там же, с. 161].

В приведённом ряду рецептивных номинаций Клюева его возможное прозвище *дьячок* выглядит вполне органично. Можно предположить, что в есенинском инскрипте оно является плодом схожих впечатлений, актуализирующим социальный аспект коннотаций неофициального имени адресата дарственной надписи. Однако в таком случае фактически невозможно говорить об интимном свойстве есенинского послания. К тому же и его восприятие как дружеского шуточного обращения становится весьма и весьма спорным, поскольку в данном контексте коннотирующее имя *дьячок* получает негативную смысловую нагрузку, обусловленную прямым значением этого слова: «Низший служитель культа в православной церкви, церковнослужитель, не имеющий т. наз. степени священства» [Толковый словарь..., 1935, стб. 823]. Нельзя не согласиться с тем, что гипотетическим уподоблением Клюева низшему чину церковных служителей Есенин давал, по сути, уничижительную оценку религиозному образу жизни старшего поэта, которая никак не располагала к возобновлению дружбы и не соответствовала искреннему посылу есенинского автографа. В этом плане показательным, как Есенин в уже упомянутом нами письме Иванову-Разумнику, что называется, не оставляя камня на камне от «Четвертого Рима» Клюева, находит для поэта пусть и ироничные, но отнюдь не уничижи-

тельные образные номинации: «вытегорский подвижник хочет всё быть календарным святителем» [Есенин, 1999а, с. 131].

На наш взгляд, коннотации апеллятива *дьячок* в дарственной надписи Есенина лишь условно связаны с основным значением этого слова и определяются семантикой другой (непрофессиональной) ипостаси церковного лица. Существо этой ипостаси высказано Есениным в стихотворении «Письмо к деду» (1924):

Недаром прадед
За овса три меры
Тебя к дьячку водил
В заброшенной глуши
Учить: «Достойно есть»

И с «Отче» «Символ веры» [Есенин, 1997, с. 139].

Статус наставника закреплён за дьячком у поэта совсем не случайно: именно дьячки в русских деревнях зачастую обучали детей азам грамоты и основным вероучительным истинам православной церкви, становясь первыми (а случалось, и единственными) учителями в жизни крестьян.

Своего ученичества у Клюева Есенин никогда не отрицал, и поэтому, обращаясь к своему учителю после двухлетнего молчания словами «*милый дьячок Коля*», сокровенный смысл которых понятен только адресату и адресанту, Есенин не только стремился пробудить в Клюеве воспоминания о «весёлой дружбе», но и в самой этой дружбе выделить наставническую роль старшего поэта в становлении своего творческого пути. Клюев понял и принял потаённый посыл есенинского дарственного «напоминания»: «Ты послал мне мир и поцелуй братский <...>» [Клюев, 2003, с. 252].

3.2. Дарение книги: нестандартная ситуация

Письмо Клюева Есенину, самое начало которого мы процитировали, датированное 28 января 1922 года, служит ответом на лаконичное эпистолярное послание младшего поэта, отправленное в декабре 1921 года (точная дата отсутствует), и как будто к дарственной надписи «милому дьячку Коле» никакого отношения не имеет. Однако же мы полагаем, что обстоятельства, при которых возобновилась переписка между поэтами, позволяют, разумеется, на уровне гипотезы, прояснить ключевой момент в судьбе есенинского инскрипта на книге «Триптих». А именно — акт дарения этой книги.

23—28 декабря 1921 года в Москве проходил IX Всероссийский съезд Советов, на который в качестве делегата от регионов был командирован близкий вытегорский знакомый Клюева Николай Ильич Архипов (1887—1967), который в качестве подарка привёз вождю пролетариата сборник стихотворений поэта «Ленин», украшенный на обороте титульного листа авторской надписью (подроб. об этом см.: [Казаков, 2014]). С ним

же Клюев посылает «весточки» и своим близким московским знакомым. Письмо Клюева удостоверяет, что Архипову во время поездки в столицу удалось встретиться с Есениным и Клычковым, которые ответили поэту «записками», а Есенин сопроводил своё краткое ответное послание ещё и «гостинцами». Под ними, скорее всего, подразумеваются книги Есенина, переданные вместе с письмом через Архипова Клюеву. Сколько всего книг было доставлено в Вытегру, неизвестно. В своём письме Клюев отмечает две, восторженно приветствуя их появление: «Покрываю поцелуями твою “Трерядницу” и “Пугачева”. В “Треряднице” много печали, сжигающей скорлупы наружной жизни. “Пугачев” — свист калмыцкой стрелы, без истории, без языка и быта, но нужней и желаннее “Бориса Годунова”, хотя там и золото, и стены Кремля, сафьянно-упругий сытовый воздух 16—17 века. И последняя Византия» [Клюев, 2003, с. 254—255].

Не исключено, что эти издания составляли лишь часть есенинских «гостинцев», поскольку в 1919—1921 годах (период, в который Есенин и Клюев не имели личных встреч и не состояли в переписке) вышло 11 авторских книг поэта (см.: [Есенин, 2002, с. 365—371]).

О деталях встречи Архипова с Есениным можно судить из клюевского письма, в котором старший поэт часто ссылается на рассказ вытегорского знакомого, в выразительных деталях запомнившего своё знакомство с Есениным. Так, с большой долей вероятности можно утверждать, что встреча произошла в московском кафе «Стойло Пегаса» (ул. Тверская, д. 37), которое поэт, судя по воспоминаниям современников, в декабре 1921 года посещал очень часто (см.: [Летопись..., 2005б, с. 425]). Об этом вполне достоверно свидетельствуют и следующие строки из письма Н. Клюева, запечатлевшие, со слов Архипова, богемный образ жизни Есенина: «Коленька мне говорит, что ты теперь ночной нетопырь с глазами, выполосканными во всех щелочках, что на тебе бобровая шуба, что ты ешь за обедом мясо, пьешь настоящий чай и публично водку, что шатая вокруг тебя — моллюски, прилипшие к килю корабля (в тропических морях они облепляют днище корабля в таком множестве, что топят самый корабль) ...» [Клюев, 2003, с. 252—253].

В питейном заведении Есенин не имел возможности лично передать книги-«гостинцы» Клюеву, которые за отсутствием своего угла хранились им в магазине «Лавка имажинистов», располагавшемся в доме № 15 на Большой Никитской улице. О месте нахождения книг свидетельствуют мемуары М. Д. Ройзмана (1896—1973), в которых он писал о том, как Есенин в 1920 году передавал ему свои книжки, предназначенные для подарка Ф. Э. Дзержинскому: «Когда я закончил, он [Есенин] подошел к лестнице, стоящей возле полок, передвинул её и полез на самый верх. Там он достал стоящие за томами несколько своих книжек, надписал их и попросил пере-

дать по назначению. (Просьбу я выполнил. Бывшему на Юго-Западном фронте Ф. Э. Дзержинскому оставил книги на его даче)» [Есенин, 2002, с. 57].

Обстоятельства — насыщенный график работы делегата Съезда Советов (см.: [РСФСР. Съезд Советов..., 1922]) или запланированный отъезд — не позволяли Архипову прийти за есенинскими «гостинцами» для Клюева в другой день. Выход из затруднительного положения, кажется, мог быть только таким: вместе с письмом для Клюева, краткость которого говорит о том, что оно было написано Есениным непосредственно во время самой встречи с Архиповым, поэт делает дарственную надпись для её последующей вклейки в одну из книг, которые Архипову предстояло самостоятельно забрать из «Лавки имажинистов». Вероятно, в этой ситуации не обошлось без есенинской записки, адресованной с соответствующей просьбой продавцу «Лавки».

То, что в письме Клюева отсутствует упоминание берлинского издания Есенина, можно объяснить тем, что в него вошли поэмы («Пришествие», «Октоих», «Преображение»), которые никак нельзя отнести к числу новых, неизвестных Клюеву произведений Есенина. Созданные в 1917 году, они были опубликованы ещё в апреле 1918 года под общим заголовком «Три поэмы» в первом номере литературно-политического ежемесячного журнала «Наш путь» (см.: [Летопись..., 2003, с. 109]), и у Клюева, старящегося, как он сам отмечает в письме, «угадать» Есенина «теперешнего», данное зарубежное переиздание поэм интереса вызвать не могло. Как, кстати, и переиздание «Радуницы» и книга «Исповедь хулигана», вышедшие в издательстве «Имажинисты» в 1921 году, что вполне могли оказаться в числе есенинских «гостинцев». И с ними Клюев был хорошо знаком, а стихотворение «Исповедь хулигана», как уже отмечено, получило polemическое осмысление в поэме «Четвертый Рим», законченной незадолго до возобновления переписки с Есениным.

Нам представляется, что и дарственная надпись, и письмо Клюеву изначально располагались на одном листе бумаги, и сличение оригинальных носителей документов подтвердит наше предположение. Причём именно в таком порядке они одновременно и были написаны Есениным, что проявляется в структурно-семантической соотнесённости этих разножанровых текстов, при которой имплицированные смыслы инскрипта эксплицируются в содержании письма.

Шутливое обращение (*«милому дьячку Коле»*), на что мы уже указывали, служит знаком интимной коммуникации, апеллирующим к прошлому поэтов и со стороны Есенина свидетельствующим о его неутраченном в настоящем чувстве духовного родства с Клюевым. Высокая привет-

ственная формула есенинского письма («Мир тебе, друг мой!»), развивая коммуникативную стратегию инскрипта, является прямым посылом к восстановлению «в общении полноты взаимодействия, взаимопонимания и взаимоотношений» [Владимирова, 2015, с. 52].

Исповедальная тональность эпистолярного текста Есенина («Душа моя устала и смущена от самого себя и происходящего. <...> А о тебе я всегда помню, всегда во мне ты присутствуешь» [Есенин, 1999а, с. 129]) обнажает искреннюю потребность поэта, находящегося на творческом перепутье (что в большей степени продемонстрирует будущий, 1922 год), в таком общении. Симптоматично в этой связи и ответное исповедальное слово Клюева, исполненное горечи: «Скажу тебе на ушко: “Как поэт я уже давно, давно кончен”, ты в душе это твёрдо сам знаешь. Но вслух об этом пока говорить жестоко и бесполезно» (выделено автором. — *И. К. С. П.*) [Клюев, 2003, с. 255]; и его пророческое предостережение Есенину, ищущему новые формы поэтического самовыражения: «Страшная клятва на тебе, смертный зарок! Ты обречен на заклятие за Россию, за Ерусалим, сошедший с неба» [Клюев, 2003, с. 252].

Установить, кем же есенинский инскрипт был вклеен в книгу «Триптих», за неимением даже косвенных фактов, позволяющих строить те или иные предположения, невозможно. Не исключено, что к этому не причастны ни Архипов, ни Клюев, а сам автограф до определенного момента ждала судьба дарственной надписи поэта, адресованной В. Г. Шершеневичу и ориентировочно датированной, что любопытно, тем же 1921 годом. Этот инскрипт, также выполненный на отдельном листке, явно предназначался для вклейки в одну из книг Есенина, но так и не обрёл своего «законного» места (см.: [Есенин, 1999б, с. 200; коммент.: с. 469]).

То, что дарственная надпись Клюеву оказалась на берлинском издании необиблейских поэм Есенина, имеет особый, символический смысл, какие бы обстоятельства за этим ни стояли. Как известно, одновременно с есенинским «Триптихом» в тех же «Скифах» вышли две книги Н. Клюева «Избяные песни» и «Песнь Солнценосца: Земля и железо». В первой был опубликован стихотворный цикл, написанный поэтом в период с 1914 по 1918 годы, во второй — произведения 1917 года. Все эти три берлинские книги являют собой, образно говоря, яркие и самобытные страницы «скифского текста» русской культуры начала XX века и вне скифской философии, глубинные основы которой определило национальное религиозное сознание, полноценно осмыслены быть не могут (см.: [Солнцева, 2021]). Инскрипт, адресованный Клюеву и вклеенный в есенинскую книгу «Триптих», символически возвращал поэтов ко времени скифского братства, единого и многообещающего для обоих поэтов.

4. Заключение = Conclusions

Обнародование в 2017 году аукционным домом «В Никитском» ранее неизвестного в науке текста С. А. Есенина на вклейке на добавочной титульной странице в книге «Триптих», ранее хранившейся в частном собрании, — ценное и значимое событие для есениноведения, так как оно открыло исследователям дорогу к изучению этой реликвии, способной, спустя столетие, многое «рассказать» не только о самом дарителе, но и об одариваемом и уточнить фактологическими деталями страницы летописи жизни Есенина и Клюева.

Атрибутация есенинского инскрипта на вклейке в книгу «Триптих», подаренной через третье лицо поэтом в декабре 1921 года другу и наставнику Н. А. Клюеву, позволяет ввести её в научный оборот.

Историко-культурный комментарий к дарственной надписи Есенина, основанный на анализе отклонений от принятых шаблонных форм этого формулярного жанра, текстовых сближений как внутрижанрового, так и межжанрового характера, сохранившегося эпистолярия и известных в науке фактологических данных, позволил идентифицировать адресата инскрипта, уточнить время и гипотетически воссоздать обстоятельства, при которых он был сделан, что, в конечном итоге, сделало возможным прочтение его сугубо личного посыла, позволившего глубже осмыслить непростые отношения «дружбы-вражды» поэтов.

По дарственной надписи С. Есенина «на памятном листке», вклеенном в книгу «Триптих», можно судить, насколько глубокий «след» оставила в его душе личность Николая Клюева. Именование друга-наставника «милым дьячком Колей», а позднее «ладожским дьячком» в стихотворении «На Кавказе» (см.: [Кудряшов и др., 2020]), при всей широте разнокачественных коннотаций, потенциально содержащихся в этих прозвищных номинациях, связано с «чистыми и нежными» воспоминаниями Есенина о Клюеве, которые стали стержневым внутренним мотивом, не допускающим окончательного разрыва отношений между поэтами.

Источники

1. *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений : в 7 т. Стихотворения (Маленькие поэмы) / С. А. Есенин. — Москва : Наука ; Голос, 1997. — Т. 2. — 464 с. — ISBN 5-02-011242-9.
2. *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений : в 7 т. Письма / С. А. Есенин. — Москва : Наука ; Голос, 1999а. — Т. 6. — 816 с. — ISBN 5-02-011682-3.
3. *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений : в 7 т. Автобиографии. Дарственные надписи. Фольклорные материалы. Литературные декларации и манифесты / С. А. Есенин. — Москва : Наука ; Голос, 1999б. — Т. 7. — Книга 1. — 559 с. — ISBN 5-02-011290-9.
4. *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений : в 7 т. Утраченное и найденное. Неосуществленные замыслы. Есенин в фотографиях. Канва жизни и творчества. Библи-

ография. Указатели / С. А. Есенин. — Москва : Наука; Голос, 2002. — Т. 7. — Книга 3. — 768 с. — ISBN 5-02-022747-1.

5. *Клюев Н. А.* Слоvesное древо. Проза / Вступ. Статья А. И. Михайлова ; сост., подготовка текста и примеч. В. П. Гарнина. — Санкт-Петербург : Росток, 2003. — 688 с. — ISBN 5-94668-012-9.

6. *Летопись* жизни и творчества С. А. Есенина : в 5 т. / РАН ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — Москва : ИМЛИ РАН, 2003. — Т. 1 : 1895—1916. — 736 с. — ISBN 5-9208-0166-2.

7. *Летопись* жизни и творчества С. А. Есенина : в 5 т. / РАН ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — Москва : ИМЛИ РАН, 2005а. — Т. 2 : 1917—1920. — 760 с. — ISBN 5-9208-0230-8.

8. *Летопись* жизни и творчества С. А. Есенина : в 5 т. — Москва : ИМЛИ РАН, 2005б. — 473 с. — ISBN 5-9208-0255-3.

9. *Лот № 307.* Аукцион № 88. Редкие книги, рукописи, автографы и фотографии [Электронный ресурс] // Дом антикварной книги «В Никитском» : сайт. — Режим доступа : <http://vnikitskom.ru/lot/?auction=88&lot=307>. — Загл. с экрана (дата обращения 01.07.2022).

10. *Николай Клюев.* Воспоминания современников / [сост. П. Е. Поберезкина]. — Москва : Прогресс-Плеяда, 2010. — 886 с. — ISBN 978-5-93006-091-1.

11. *РСФСР. Съезд Советов* (9). Стенографический отчет / РСФСР. IX Всерос. съезд Советов. — Москва : [б. и.], 1922. — 47 с.

12. *С. А. Есенин в воспоминаниях современников* : В 2-х т. / Вступ. ст., сост. и коммент. А. Козловского. — Москва : Художественная литература, 1986. — Т. 2. — 446 с.

13. *Толковый словарь* русского языка : В 4 т. — Москва : Советская энциклопедия : ОГИЗ, 1935—1940.

Литература

1. *Азадовский К. М.* Жизнь Николая Клюева : документальное повествование / К. М. Азадовский. — Санкт-Петербург : Звезда, 2002. — 365 с. — ISBN 5-94214-003-0.

2. *Быков Л. П.* Инскрипт как затекст / Л. П. Быков // Феномен затекста. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2021. — С. 17—32. — ISBN 978-5-7996-3277-9.

3. *Владимирова Т. Е.* Концепт «брат» как архетип русского бытия / Т. Е. Владимирова // Мир русского слова. — 2015. — № 2. — С. 47—53.

4. *Евсеева И. В.* Речевой жанр «автограф автора на книге» / И. В. Евсеева, А. Д. Морозова // Жанры речи. — 2017. — № 1 (15). — С. 58—65. — DOI: 10.18500/2311-0740-2017-1-15-58-65.

5. *Зубков Н. Н.* О подходах к изучению дарственных надписей / Н. Н. Зубков // А. М. П. : Памяти А. М. Пескова. — Москва : РГГУ, 2013. — С. 576—588. — ISBN 978-5-7281-1373-7.

6. *Казаков А. Л.* Клюев — Ленину : «словесный гостинец из русского рая» / А. Л. Казаков // Север. — 2014. — № 1/2. — С. 141—146.

7. *Киселева Л. А.* Есенин и Клюев : скрытый диалог (попытка частичной реконструкции) / Л. А. Киселева // Николай Клюев : Исследования и материалы. — Москва : Наследие, 1997. — С. 183—198.

8. *Косых Е. А.* Дарственная надпись-автограф в системе речевой деятельности автора / Е. А. Косых // Русская словесность в России и Казахстане : аспекты интеграции : материалы второй Международной научно-практической конференции. — Барнаул : Алтайская государственная педагогическая академия, 2013. — С. 389—392.

9. Косых Е. А. Имя собственное в тексте инскрипта / Е. А. Косых // Культура и текст. — 2017. — № 2 (29). — С. 116—121.

10. Косых Е. А. Инскрипт в речевой парадигме социума : к проблеме классификации / Е. А. Косых // Филология и человек. — 2022. — № 1. — С. 53—66. — DOI: 10.14258/filichel(2022)1-04.

11. Кудряшов И. В. Отчего сдохла канарейка? (Сергей Есенин о Николае Клюеве) / И. В. Кудряшов, С. Н. Пяткин // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 151—162. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-151-162.

12. Ломан А. П. Дарственные надписи С. А. Есенина / А. П. Ломан, В. Ф. Земсков // Русская литература. — 1970. — № 3. — С. 157—167.

13. Марьин Д. В. Автограф писателя как объект филологического исследования (на материале автографов В. М. Шукшина) / Д. В. Марьин // Язык. Слоvesность. Культура. — 2011. — № 3. — С. 49—61.

14. Молчанова Н. А. Дарственные надписи на книгах как источник научного исследования / Н. А. Молчанова // Книга в современном мире : проблемы чтения и чтение как проблема : материалы Международной научной конференции. — Воронеж : Воронежский государственный университет, 2014. — С. 150—154.

15. Никиенко И. В. Авторские дарственные надписи на книгах из собрания томского фантаста Виктора Колупаева / И. В. Никиенко // Библиосфера. — 2018. — № 1. — С. 10—15. — DOI: 10.20913/1815-3186-2018-1-10-15.

16. Рейтблат А. И. Писать поперек : статьи по биографике, социологии и истории литературы / А. И. Рейтблат. — Москва : Новое литературное обозрение, 2014. — 415 с. — ISBN 978-5-4448-0140-6.

17. Сергеева Л. А. Об аксиологической природе прозвищ / Л. А. Сергеева // Ономастика и грамматика. — Москва : Наука, 1976. — С. 147—151.

18. Скороходов М. В. Сергей Есенин : истоки творчества : (вопросы научной биографии) / М. В. Скороходов. — Москва : ИМЛИ РАН, 2014. — 382 с. — ISBN 978-5-9208-0449-5.

19. Солнцева Н. М. «Песнь Солнценосца» Н. Клюева как скифская поэма / Н. М. Солнцева // Сергей Есенин в контексте эпохи: Коллективная монография / отв. ред. Н. И. Шубникова-Гусева. — Москва : ИМЛИ РАН, 2021. — С. 311—324.

20. Субботин С. И. Есенин и Клюев (К истории творческих взаимоотношений) / С. И. Субботин // О, Русь, взмахни крылами ... Есенинский сборник. — Москва : Наследие, 1994. — Выпуск I. — С. 104—120.

21. Юсов Н. Г. «С добротой и щедротами духа...»: Дарственные надписи Сергея Есенина / Н. Г. Юсов. — Челябинск : Алексей Казаков со товарищи : Книга, 1996. — 357 с. — ISBN 5-7135-0108-6.

22. Янушкевич А. С. Инскрипт в творческой системе В. А. Жуковского и в книгах из его библиотеки / А. С. Янушкевич // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2011. — № 1 (13). — С. 102—120.

Material resources

Chronicle of the life and work of S. A. Yesenin: in 5 volumes, 1: 1895—1916. (2003). Moscow: IMLI RAS. 736 p. ISBN 5-9208-0166-2. (In Russ.).

Chronicle of the life and work of S. A. Yesenin: in 5 volumes, 2: 1917—1920. (2005a). Moscow: IMLI RAS. 760 p. ISBN 5-9208-0230-8. (In Russ.).

Chronicle of the life and work of S. A. Yesenin: in 5 volumes. (2005b). Moscow: IMLI RAS. 473 p. ISBN 5-9208-0255-3. (In Russ.).

- Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 volumes.* (1935—1940). Moscow: Soviet Encyclopedia: OGIZ. (In Russ.).
- Klyuev, N. A. (2003). *Word Tree. Prose.* St. Petersburg: Rostock. 688 p. ISBN 5-94668-012-9. (In Russ.).
- Lot № 307. Auction № 88. Rare books, manuscripts, autographs and photographs. *The house of the antique book "In Nikitsky": website.* Available at: <http://vnikitskom.ru/lot/?auction=88&lot=307>. Title from the screen (accessed 01.07.2022). (In Russ.).
- Nikolay Klyuev. *Memoirs of contemporaries.* (2010). Moscow: Progress-Pleiade. 886 p. ISBN 978-5-93006-091-1. (In Russ.).
- RSFSR. (1922). *Congress of Soviets (9). Verbatim report / RSFSR. IX Vseros. congress of Soviets.* Moscow: [b. i.]. 47 p. (In Russ.).
- S. A. Yesenin in the memoirs of contemporaries: *In 2 vols, 2.* (1986). Moscow: Fiction. 446 p. (In Russ.).
- Yesenin, S. A. (1997). *Complete works: in 7 vols. Poems (Small poems), 2.* Moscow: Nauka; Golos. 464 p. ISBN 5-02-011242-9. (In Russ.).
- Yesenin, S. A. (1999a). *Complete works: in 7 vols. Letters, 6.* Moscow: Nauka; Golos. 816 p. ISBN 5-02-011682-3. (In Russ.).
- Yesenin, S. A. (1999b). *Complete works: in 7 vols. Autobiographies. Gift inscriptions. Folklore materials. Literary declarations and manifestos, 7 (1).* Moscow: Nauka; Golos. 559 p. ISBN 5-02-011290-9. (In Russ.).
- Yesenin, S. A. (2002). *Complete works: in 7 vols. Lost and undiscovered. Unfulfilled plans. Yesenin in photos. The outline of life and creativity. Bibliography. Pointers, 7 (3).* Moscow: Nauka; Golos. 768 p. ISBN 5-02-022747-1. (In Russ.).

References

- Azadovsky, K. M. (2002). *The life of Nikolai Klyuev: a documentary narrative.* St. Petersburg: Zvezda. 365 p. ISBN 5-94214-003-0. (In Russ.).
- Bykov, L. P. (2021). The inscript as a zatext. In: *The phenomenon of zatext.* Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 17—32. ISBN 978-5-7996-3277-9. (In Russ.).
- Evseeva, I. V., Morozova, A. D. (2017). Speech genre “autograph of the author on the book”. *Genres of speech, 1 (15):* 58—65. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-1-15-58-65. (In Russ.).
- Kazakov, A. L. (2014). Klyuev — Lenin: “a verbal gift from the Russian paradise”. *North, ½:* 141—146. (In Russ.).
- Kiseleva, L. A. (1997). Yesenin and Klyuev: a hidden dialogue (an attempt at partial reconstruction). In: *Nikolay Klyuev: Research and materials.* Moscow: Heritage. 183—198. (In Russ.).
- Kosykh, E. A. (2013). The inscription-autograph in the system of the author’s speech activity. In: *Russian literature in Russia and Kazakhstan: aspects of integration: materials of the Second International scientific and Practical Conference.* Barnaul: Altai State Pedagogical Academy. 389—392. (In Russ.).
- Kosykh, E. A. (2017). Proper name in the text of the script. *Culture and text, 2 (29):* 116—121. (In Russ.).
- Kosykh, E. A. (2022). An inscript in the speech paradigm of society: on the problem of classification. *Philology and Man, 1:* 53—66. DOI: 10.14258/filichel(2022)1-04. (In Russ.).
- Kudryashov, I. V., Pyatkin, S. N. (2020). Why Did the Canary Die? (Sergei Yesenin about Nikolai Klyuev). *Nauchnyi dialog, 12:* 151—162. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-151-162. (In Russ.).

- Loman, A. P., Zemskov, V. F. (1970). The inscriptions of S. A. Yesenin. *Russian Literature*, 3: 157—167. (In Russ.).
- Maryin, D. V. (2011). Autographs of the writer as an object of philological research (based on the autographs of V. M. Shukshin). *Language. Literature. Culture*, 3: 49—61. (In Russ.).
- Molchanova, N. A. (2014). Gift inscriptions on books as a source of scientific research. In: *Book in the modern world: problems of reading and reading as a problem: materials of the International Scientific Conference*. Voronezh: Voronezh State University. 150—154. (In Russ.).
- Nikienko, I. V. (2018). Author's gift inscriptions on books from the collection of Tomsk science fiction writer Viktor Kolupaev. *Bibliosphere*, 1: 10—15. DOI: 10.20913/1815-3186-2018-1-10-15. (In Russ.).
- Reitblat, A. I. (2014). *To write across: articles on biography, sociology and literary history*. Moscow: New Literary Review. 415 p. ISBN 978-5-4448-0140-6. (In Russ.).
- Sergeeva, L. A. (1976). About the axiological nature of nicknames. In: *Onomastics and grammar*. Moscow: Nauka. 147—151. (In Russ.).
- Skorokhodov, M. V. (2014). *Sergey Yesenin: the origins of creativity: (questions of scientific biography)*. Moscow: IMLI RAS. 382 p. ISBN 978-5-9208-0449-5. (In Russ.).
- Solntseva, N. M. (2021). “The Song of the Sunbearer” N. Klyuev as a Scythian poem. In: *Sergey Yesenin in the Context of the Epoch: A Collective monograph*. Moscow: IMLI RAS. 311—324. (In Russ.).
- Subbotin, S. I. (1994). Yesenin and Klyuev (On the history of creative relationships). In: *O, Rus, wave your wings... The Yesenin Collection, 1*. Moscow: Heritage. 104—120. (In Russ.).
- Vladimirova, I. E. (2015). The concept of “brother” as the archetype of Russian being. *The world of the Russian word*, 2: 47—53. (In Russ.).
- Yanushkevich, A. S. (2011). An inscript in the creative system of V. A. Zhukovsky and in books from his library. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 1 (13): 102—120. (In Russ.).
- Yusov, N. G. (1996). “With kindness and generosity of spirit ...”: *The inscriptions of Sergei Yesenin*. Chelyabinsk: Alexey Kazakov and his comrades: Book. 357 p. ISBN 5-7135-0108-6. (In Russ.).
- Zubkov, N. N. (2013). On approaches to the study of gift inscriptions. In: *A. M. P.: In memory of A. M. Peskov*. Moscow: RSUH. 576—588. ISBN 978-5-7281-1373-7. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 29.08.2022,
одобрена после рецензирования 21.09.2022,
подготовлена к публикации 10.10.2022.